

Этот план не был придуман впопыхах. Несколько человек, тщательно и многократно всё обдумав, приняли окончательное решение.

Неизвестно, сколько раз Чжан Хуэйяо прокручивал план у себя в голове.

Поэтому он на одном дыхании озвучил его, говоря уверенно, с полным основанием и крайне соблазнительно.

Выслушав генерала, Юн Шань всё же остался равнодушным:

— С кем Вы советовались?

Чжан Хуэйяо, поняв превратно, очень уверенно проговорил:

— Вашему Высочеству не нужно беспокоиться, потому что это крайне надёжные люди.

— Вздор! — Юн Шань внезапно разозлился. — Создали фракцию, придумали подлый план, да ещё безудержно мечтаете заставить императора отречься от престола! Вы что, с ума все походили? Такой человек, как отец-император, этот старый тигр с остатками прежней мощи, разве может позволить вам, низким людишкам, вынудить себя отказаться от престола?

Замечтавшийся Чжан Хуэйяо, не подумав, что может внезапно разгневать Юн Шаня, был крайне испуган:

— Ваше... Ваше Высочество...

Словно покрытый инеем, наследник престола бросил взгляд, от которого по коже побежали мурашки, и тихо проговорил:

— Замолчите! Не смейте больше ничего говорить. Уходите, сделаем вид, что этого разговора не возникало, иначе любого, кто осмелится поступить опрометчиво, я, ни слова не говоря отцу-императору, тотчас же схвачу и убью!

Не давая возможности генералу открыть рот, юноша внезапно поднялся на ноги. Встав возле двери, Юн Шань открыл её и, как бы провожая, холодно проговорил:

— Каким бы отвратительным ни было это место, оно всё же является дворцом наследного принца. Прошу генерала впредь наносить визиты по всем правилам приличия. Если Вы ещё раз бесцеремонно ворвётесь сюда, не удивляйтесь, что я разозлюсь и не посмотрю на наши старые отношения.

Явившись с порывом погибнуть за правое дело, Чжан Хуэйяо неожиданно столкнулся с безразличием и теперь испытывал к Юн Шаню разочарование и злость, к которым добавилась огромная неопишуемая удручённость. Мужчина тяжело и зло дышал.

Простояв какое-то время, генерал в итоге гневно топнул ногой и вышел из комнаты.

В этот момент Чан Дэфу, держа в руках две пиалы с только что заваренным чаем, столкнулся с Чжаном Хуэйяо. Плесь! Два ценных, сделанных в императорской гончарной фарфоровых сосуда с изображёнными на них зелёными горами и изумрудными водами упали на пол и разбились на тысячи мелких блестящих осколков.

— Ой, генерал...

Не успел слуга и рта раскрыть, как Чжан Хуэйяо махнул рукой, отшвырнул мужчину на несколько шагов и, не проронив ни слова, широким шагом направился прочь.

Только Чан Дэфу, выпустивший из рук пиалы, да ещё получив головокружение, которое вскоре прошло, поднялся на ноги, как силуэт генерала Чжан Хуэйяо уже исчез в дверях.

Со слугой снова обошлись несправедливо, и, не в состоянии взять в толк, что случилось, евнух только и мог, что, запинаясь, проговорить:

— Ваше Высочество, всё из-за небрежности вашего слуги...

Выражая чистейшее безразличие, Юн Шань сделал вид, будто ничего не заметил:

— Забудь об этом, здесь нет твоей вины. Две чашки, что это? Не стоит оплакивать такой пустяк.

Он развернулся и направился в комнату присматривать за старшим братом.

Юн Ци была простудная лихорадка, к тому же он подвергся лекарственному отравлению и сейчас всё ещё был слаб, поэтому больше отдыхал и меньше бодрствовал.

И теперь юноша глубоко спал.

Юн Шань, больше не желая делать вид, что увлечён чтением, опустился на край кровати, склонил голову и внимательно заскользил взглядом по любимому старшему брату.

Выдающееся лицо было болезненно-бледным, медленное выздоровление уже потихоньку придавало ему розовый оттенок, однако сейчас все эти успехи исчезли.

Даже во сне юноша продолжал хмурить брови.

Настолько несчастен?

Юн Шань мягко скользнул по утончённым и изящным бровям: как ему хотелось унять скопившееся на них беспокойство! Благодаря нежным поглаживаниям, которые окутали брови юноши, ему в итоге удалось убрать хмурость с красивого лица.

Чувствуя нестерпимую боль в душе, ему захотелось вздохнуть.

Подумав, что это может потревожить Юн Ци, юноша сдержался.

«Старший брат, небо скоро изменится.

Если я приму неверное решение, то, вероятнее всего, больше не увижу тебя.

Я не знаю, сделал ли я уже неправильный шаг».

Тихо в душе проговорил Юн Шань.

Будучи по характеру холодным и стойким, юноша хоть и сомневался в будущем, но никогда не высказывал подобных слов.

Он в душе произнёс последние несколько слов спящему перед ним Юн Ци, и в тот же миг в груди раздалась резкая боль, как будто сердце полоснули ножом.

Если он действительно не выдержит, то что может сделать этот совершенно не умеющий защитить себя человек?

Он такой хрупкий и нежный, тоже золотые ветви и яшмовые листья, и если в будущем его ждут унижения, то лучше ему умереть сейчас.

Сердце Юн Шаня было охвачено болью, словно его безжалостно растерзали на куски, руки вытянулись и легли на белоснежную шею старшего брата.

Коснувшись кончиками пальцев охваченного лихорадкой мягкого тела, Юн Шань почувствовал слабый, однако стабильный пульс.

Тук, тук, тук, тук...

Казалось, этот звук был самым трогательным на свете.

Старший брат.

Всегда спокойное лицо Юн Шаня было искажено ужасной болью, белоснежные зубы были едва стиснуты, а пальцы охватила сильная дрожь.

Не в силах вонзить когти.

Под его руками была мягкая, гладкая, словно белоснежный парчовый атлас, пронизанная светом непорочность.

Ему жаль.

Тяжело вздохнув, Юн Шань отдернул дрожащие руки и стал растирать замёрзшие запястья.

Все говорили, что у него холодное сердце, что он жестокий и бесчувственный.

На самом же деле он тоже боялся холода.

В детстве он действительно завидовал Юн Линю, ведь в холодную погоду старший брат мог без малейшего страха растереть ему руки, и, прижимаясь друг к другу, они вдвоём грелись у огня, словно пара птенцов, находящихся в царстве холода и стужи.

Ему тоже хотелось быть с Юн Ци, словно они пара птенцов.

Теперь надежды больше не было.

С того момента, как старший брат узнал про любовный напиток, сладкий сон Юн Шаня растворился и уже никогда больше не повторится. Сердце юноши охватила бесконечная тоска, всё было крайне сложно и запутанно, словно на тысячу концов сплелись десять тысяч нитей. Нужно было заставить себя успокоиться и не спеша во всём разобраться, чтобы ясно представить себе ситуацию в целом.

Юноша сидел на краю кровати возле Юн Ци и смотрел на красивое лицо старшего брата, глубоко задумавшись.

Пока Юн Шань пребывал в глубоких раздумьях, сзади крадучись подошёл Чан Дэфу.

Услышав шорох, наследный принц хмуро произнёс:

— Я никого не хочу видеть. Кто бы там ни пришёл, я всё равно откажу в аудиенции, — боясь разбудить брата, тихо отозвался юноша.

— Ваше Высочество, этого человека Ваш слуга правда не в силах был остановить, — с горечью произнёс Чан Дэфу. — Государыня Шу уже ждёт в боковой комнате. Госпожа не разрешала докладывать...

Тоска, охватившая душу Юн Шаня, увеличилась, ещё сильнее сдавливая грудь.

Привыкший прятать нестерпимую печаль внутри себя, Юн Шань никак не изменился в лице, лишь устало закрыл глаза, немного погодя открыл их и поднялся на ноги:

— Я иду встретиться с матушкой.

Когда Юн Шань добрался до боковой комнаты, изящная и холодная наложница Шу уже сидела, выпрямившись, на почётном месте хозяина. Заметив входящего в комнату юношу и следовавшего за ним слугу, женщина холодно проговорила:

— Чан Дэфу, выйди вон. Наследный принц, затвори дверь, и мы, как мать и сын, немного поговорим.

Чан Дэфу, услышав её тон, сразу понял, что случилось несчастье. Мужчина плотно закрыл рот, молча, как цикада зимой, и боясь даже вздохнуть, поспешно отступил назад. Перед уходом слуга с крайней осторожностью закрыл дверь.

В боковой комнате остались лишь наложница Шу и Юн Шань.

Женщина сидела, а сын стоял, гнетущая атмосфера разлилась вокруг, не давая вздохнуть и болезненно сдавливая грудь.

Помолчав какое-то время, наложница Шу разомкнула губы, спросив:

— Наследный принц прогнал Чжан Хуэйяо?

Женщина косо посмотрела на ножку стола, словно желала подавить внезапно вспыхнувшую злость, отказываясь поднять взгляд на наследника престола.

Оказав приём матушке, Юн Шань не мог обойтись с ней так же, как с Чжан Хуэйяо. Юноша слегка вздохнул и шёпотом проговорил:

— Если матушка хочет поговорить о том, что сказал генерал Чжан Хуэйяо, то, пожалуйста,

сейчас же уходите. Юн Шань действительно не хочет бесцеремонно относиться к матушке.

— Бесцеремонно? — наложница Шу холодно усмехнулась и, обернувшись, взглянула на Юн Шаня: — Вот так, наследный принц, ты и в самом деле пал, позволив мне посмотреть на тебя другими глазами. Когда-то ты был смелым и деловитым, а сейчас, наоборот, стал мягким, словно глина, с радостью ожидая приговора императора. Я знаю, ты не глупый, тебе ради этого Юн Ци очень хочется взять собственную судьбу и вручить ему в руки. Я также знаю, что я, твоя матушка, больше ничего не значу для тебя. Несчастливая я ради тебя, не щадя сил, думаю круглыми сутками, беспокоюсь, что отец-император свергнет тебя. Не хочу разбрасываться жизнью и хочу, чтобы ты избежал судьбы Юн Ци, а ты ещё смеешь относиться ко всем моим стараниям с волчьим сердцем [1]. Верно! Я замышляла создать фракцию! И ты говоришь мне это, наложнице императора, той, что объединила род, у которой есть тайное управление. Если у тебя осталось хоть немного сыновней чести, как ты можешь говорить такие разбивающие сердце слова?

После того как женщина получила доклад Чжан Хуэйяо, её охватили скорбь и гнев. К тому же ситуация была опасная, беда могла в любой момент обрушиться на её гнездо. Страх, смешанный с гневом и ненавистью, тотчас же вылился на упрямого Юн Шаня, превратившись в жестокие слова.

Однако на сей раз основной целью визита было убеждение наследного принца, а не высказывание своего негодования.

Наложница Шу резко усмехнулась, её лицо слегка смягчилось, сама же женщина сменила тон и со вздохом сказала:

— Дитя, когда это матушка хотела, чтобы ты стал свергнутым строптивым сыном отца-императора? Лишь у хозяина Поднебесной нет кровных отношений, так что твои родственные чувства отец-император оставит без внимания. У твоего пятого младшего брата совершенно нет человеколюбия и чувства долга, а нерешительность в конце концов лишь тебя может привести к неудаче. Юн Шань, поверь мне, в стенах императорского дворца лишь матушка может позаботиться о вас, а если тебя постигнет та же участь, что и Юн Ци, матушка будет страдать и умрёт от горя. Стоит мне только подумать, что ты станешь опальным принцем, подвергнешься унижениям и попиранию со стороны низких людей, сон тотчас же пропадает.

Прозвучала лишь половина слов, а глаза женщины уже покраснели.

Наложница Шу встала перед сыном и, крепко схватив его за руки, дрожащим голосом произнесла:

— Я, прожившая во дворце двадцать лет, никогда не испытывала такого страха, как сейчас. Детка, образумься, теперь не время упрямо следовать своим желаниям, мы все уже, по воле государя, вынужденно стоим у края пропасти — один неверный шаг, и можно разбиться вдребезги. Неужели ты не понимаешь?

Её руки, держащие Юн Шаня, были холодны, как лёд.

Нежные, словно стрелки зелёного лука, пальцы наложницы Шу сейчас были белыми и слегка прозрачными, из-за недавнего недомогания исхудавшие так, что можно было увидеть даже выступавшие суставы, что действительно говорило о её страданиях.

Юн Шань понимал, что всё, что сейчас делала наложница Шу, она делала от чистого материнского сердца, изо всех сил стараясь предотвратить беду. Глядя на всё ещё охваченную беспокойством женщину, юноша почувствовал тяжесть на сердце и, слегка сжимая в ладонях руки матушки, словно согревая их, медленно проговорил:

— Намерения матушки мне понятны.

— Ну раз понимаешь, тогда немедля прими решение...

— И думать не смейте, — спокойно и решительно проговорил юноша.

Юн Шань попросил матушку присесть и не спеша сказал:

— Матушка, Ваш сын не малодушен, но впредь больше не вздумайте говорить о том, чтобы заставить отца-императора отречься от престола. Отец-император вовсе не лыком шит. Матушка, хорошенько подумайте, дядюшка и муж вашей тётушки хоть и состоят в должностях, однако разве у них недавно не сменились подчинённые? Откуда Вам знать, что вновь прибывшие во дворец люди не являются шпионами, исполняющими тайный указ отца-императора, который подослал их, чтобы следить за ними? Когда дадут волю, если неожиданно появившийся в армии человек — шпион — отнимет у них военную власть, как быть тогда? Когда тайный заговор подтвердится, каждый лишится имущества и весь род будет уничтожен. Такой поспешный план полон трещин. Отец-император пребывает на троне уже несколько десятков лет, у двух начальников стражи городских ворот, которые командуют императорским ночным караулом, умения ничтожны, одно движение пальца отца-императора, и они исчезнут без следа.

Наложница Шу, выслушав слова сына, в которых таился здравый смысл, ещё сильнее расстроилась и опечалилась. Спустя долгое время женщина растерянно проговорила:

— Если всё так, как ты говоришь, то неужели нам только и остаётся, что ждать смерти?

Юн Шань глубоко задумался, ничего не ответил.

После нависшего молчания юноша мягко проговорил:

— Матушка сказала, что мы уже «вынужденно стоим у края пропасти — один неверный шаг, и можно разбиться вдребезги». Эти слова не совсем верны. Это не просто край пропасти, это

тёмный край пропасти, где нет ни капли света и ничего нельзя увидеть. Если думаете, что рухнете вниз, тогда широко распахните глаза, посмотрите на всю ситуацию целиком, определите, в каком месте всё же находится эта пропасть, можете ли шагнуть влево или вправо.

— Ты хочешь сказать...

— Отец-император хочет разделаться с сыном, едва ли им могу быть я.

Наложница Шу неожиданно подскочила и поспешно спросила:

— Детка, ты ручаешься за свои слова?

Юноша горько улыбнулся:

— Сейчас только немного.

Посмотрев на наложницу Шу, у которой вновь появились разочарование и тревога на лице, Юн Шань мягко проговорил:

— Немного — это уже неплохо. Если последовать плану дядюшки, то я уверенно могу сказать, что нас ждёт полное поражение. Слишком много думать напрасно, прошу Вас уехать. Пожалуйста, матушка, запомните мои слова: что бы ни случилось, совершенно не нужно падать духом и делать поспешных выводов.

После того как он дал наказ, юноша лично, поддерживая наложницу Шу под руку, проводил её из дворца наследного принца.

Когда паланкин наложницы Шу скрылся вдаль, Юн Шань вернулся в комнату и, встретив Чан Дэфу, приказал:

— С этого дня, кто бы ни пришёл, не пускай ко мне никого, даже матушку-государыню Шу, исключение лишь для тех, кто явится по высочайшему указу.

— Слушаюсь.

Юн Шань сделал пару шагов и что-то вспомнил и, вновь подойдя к слуге, добавил:

— И кроме наставника Вана. Если он придёт, немедленно встреть его и проводи в гостиную, налей ему чая и позаботься о нём. Неважно, буду ли я спать или бодрствовать, как можно скорее извести меня.

Чан Дэфу спешно кивнул:

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: жестоко, свирепо, бесчеловечно.

<http://bllate.org/book/13372/1189605>